

В ОДА в лагуне была чистой и сверкала на солнце. Когда мы высадились, с зеленых равнин острова взвились стаи морских ласточек. Вдоль берега тянулись причудливые развалины строений. Вокруг вместо зеленых кокосовых пальм торчали обгоревшие деревья и кустарник. Была гнетущая тишина.

Люди на нашем корабле, с тех пор как они покинули остров — 22 года назад, больше его не видели. Он так изменился, что стал неузнаваемым. Как волновались наши пассажиры, заведя его. Столпившись на палубе, они кричали: «Лагуна! Лагуна Бикини!».

Я был с этими людьми, когда они в 1946 году оставили остров. Ныне после долгого изгнания они возвращались на родину.

Атолл Бикини — это цепь из 36 коралловых островов, которая окружает широкую лагуну в центральной части Тихого океана. В 1946 году здесь жило 167 человек, большинство — на самом большом острове, на Бикини. Так как остров был изолирован от остального мира и сравнительно мало населен,

ЖЕРТВЫ АТОМНОГО УРАГАНА

КАРЛ МИДАНС

правительство США избрало его главным полигоном для испытания атомных бомб. Жители острова Бикини были выселены.

Вначале их перевозили на Ронгерик — остров, который избрали себе сами бикинцы, потому что он находился недалеко, хоть и было у них поверье, что там ведьма отравляет рыбу и мясо. Но Ронгерик был невелик, он не мог их прокормить. Лишь через два года американцы, слишком занятые испытаниями ядерного оружия, чтобы думать о бикинцах, нашли их умирающими от голода. В срочном порядке бикинцев перевозили в палаточный лагерь на остров Кваджалейн, а уж оттуда — на Кили (на 500 миль южнее Бикини) — одинокий остров, который четыре месяца в году из-за штормов на море отрезан от внешнего мира. Этот остров и стал с 1948 года их пристанищем.

За эти годы на Бикини взорваны 22 атомные бомбы и первая водородная. Последнее испытание было проведено в 1958 году. Большая часть радиоактивного вещества, которое оставалось после взрыва, медленно улетучилась. И в августе 1968 го-

да правительство США решило, что атолл Бикини снова пригоден для жилья. Оно предложило бикинцам; если те хотят, возвратиться на родину.

На Бикини была послана «разведка» из девяти человек. Это и были люди, которые переходили сейчас лагуну вброд. Они не задержались на песчаном берегу. Ножками они проложили себе дорогу сквозь густой невысокий кустарник. Работали дружно и споро. Несмотря на длительное отсутствие, они шли прямо к цели: к кладбищу, которое было скрыто в зарослях. Они перерезали последние ветки и упали на колени. Некоторые тихо бормотали что-то, другие ломали руки. «Здесь мои», — сказал один из них и посмотрел при этом на меня. Это была могила его отца.

Невдалеке был слышен стук мачеты, шаги остальных. Все еще смущенный, полный тревоги пробирался мировой судья Алаб Лора дальше. Я знал, что он ищет: небольшой поселок из домов, крытых соломой, церковь, дом для общинных собраний, хлебные и пандовые деревья, кормившие бикинцев, дававшие им тень, высокие кокосовые пальмы, занимавшие в свое время каждый дюйм острова до самой воды. Но от деревни ничего не осталось.

У наших ног сновали крысы, копошились крабы. Лора в таких случаях подавался назад, бросал вслед крысам камень и громко ругался. От обилия крабов он пришел в ужас. Раньше они были на острове главным продуктом питания. Но теперь американцы сказали, что их нельзя есть, их надо убивать. Это единственные животные, оставшиеся в живых на атолле Бикини. Крабы подверглись опасному атомному облучению.

Как-то Куртис Лимей, давший согласие баллотироваться вице-президентом у Георга Уоллеса, попытался умалить ущерб, причиненный Бикини атомными испытаниями. «Почти все уцелело, вплоть до крабов», — заявил он.

Он ничего не сказал и о том, каковы последствия этих взрывов для соседних с Бикини островов. Примерно в то же время с острова Ронглан, куда в 1954 году ветер донес радиоактивные осадки от очередного взрыва, отвезли в бостонскую больницу четырех человек, где им удалили опухоль щитовидной железы. Этой болезнью страдают на острове многие. На берегу Бикини группа специалистов-атомщиков занималась тем, что изучала осколки металла, которые лежали у них на пути. Один из групп — Томми Макгроу подносил к ним счетчик Гейгера. Иногда счетчик показывал нуль, а иногда даже на расстоянии нескольких метров — большую степень радиоактивности.

— В общем-то ни один осколок не опасен, — сказал Макгроу, — но если их собрать в кучу, они могут стать опасными. Необходимо найти все осколки и увезти их с острова.

Бикинцы ходили за атомщиками, внимательно следили за их действиями, переводили взгляды со счетчика Гейгера на лица американцев, пытались узнать, что показывает стрелка за маленьким стеклом.

Внизу на берегу мы наткнулись на одинокую искривленную кокосовую пальму с засохшими плодами. До нас здесь уже побывали два бикинца. Они сорвали несколько орехов и вскрыли их.

Карл Миданс — корреспондент американского журнала «Лайф», сопровождавший жителей Бикини, возвращавшихся на родной остров. Редакция публикует сокращенный перевод его очерка об этой поездке.

Когда мы подошли, они протянули нам орехи и спросили, не опасно ли выпить молоко.

— Конечно, нет,— сказал Макгроу и жестом показал, что можно пить. И все же бикинцы медлили. Один из них повторил жесты Макгроу. Смеясь, тот взял орех и осушил его до дна. Бикинцы заулыбались и доверчиво выпили содержимое плодов.

На острове Энау мы также пробирались сквозь густые заросли и вышли наконец к большому аэродрому. Все было в плачевном состоянии. Я почувствовал себя путешественником, попавшим на планету, где давно замерла человеческая жизнь.

На Энау мы обнаружили здание, в котором опытные техники нашего времени монтировали атомные и водородные бомбы. Сквозь разбитые окна и двери, скрепленные сталью, проросли деревья. По бетонированному полу бегали крысы. Давно заброшенное место, разграбленное, как могила старого, неизвестного короля.

— Что это? — спросил один из бикинцев.

— Бомба, — отвечает ученый-атомщик Бумм и разводит руками. Спрашивающий сникает.

Килон — светловолосый мрачный мужчина — все пытался найти свой островок, но на месте роши кокосовых пальм была сине-зеленая вода. Минуту он стоял спокойно, будто пытался понять, что произошло. Затем повернулся и с тихим плачем ушел прочь.

Но самый большой ущерб бикинцы понесли на острове Наме. И все же посещение его только укрепило их в стремлении покинуть Кили и вернуться на родину. Кили — плодородная земля, лучшее место в южной части Тихого океана для выращивания кокосовых пальм. Но Кили не имеет лагуны, и окружающие коралловые рифы делают воды опасными. А бикинцы — рыбаки, им без лагуны нельзя.

На морском берегу Наме они обнаружили стаи красных рыб и рыб-попугаев. С криком, забыв о своей парадной одежде, бикинцы бросились в воду, образовали цепь и гнали эти стаи рыб к лежащему ниже коралловому бассейну, а здесь прикончили их ножами. В приподнятом настроении бикинцы зажгли костер и тут же съели рыбу.

На обратном пути на Кили верховный комиссар спросил Алаба Лору, как он себя чувствует и что думает о будущем. Лора сдержанно ответил: «То, что мы увидели на островах, нас очень беспокоит. На некоторых совершенно исчезла растительность, на других взорваны горные породы. Ряд островов мы проискали напрасно. Но это наша родина».

Наша жизнь на Кили была печальной, и я уверен, что, когда мы расскажем нашим соотечественникам о том, что мы видели, они еще больше опечалятся. Они скажут: спросите ответственных лиц в США, что они собираются с нами делать, что нам делать, чтобы возвратиться домой и жить там».

Остров надо очистить, убрать с него металл, который представляет опасность. Деревья должны начать плодоносить. Необходимо построить новые дома, церковь и школу. Необходимо обучить общину жить в прежних условиях.

Пройдет минимум пять лет, пока это все будет осуществлено — до следующей Одиссеи простого, обездоленного народа, ставшего жертвой атомного урагана.

КУЛЬТУРА
ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО

Ньякиемо

БВАНА МАТААМУ
Кения

РАССКАЗ

Бвана Матааму — современный кенийский писатель, кикуйю по происхождению, автор маленьких рассказов на языке суахили. Главная тема его творчества — жизнь родного народа.

НЬАКИЕМО решила навестить своего жениха Ндонгани. Так велел старый обычай племени кикуйю. Но день она выбрала неудачный. С утра полил сильный дождь, и река Тана вышла из берегов. Однако это не остановило девушку. Она весело хлопотала, словно невеста накануне свадьбы: помылась, выкрасила всю свою одежду красной землей, натерлась благоуханиями. Не забыла она приготовить и традиционное угощение: сладкие бананы, вареную баранью голову и любимое лакомство кикуйю — «кимедо», — сладкое, как мед. Только покончив с приготовлениями она присела и стала ждать: может, кончится непогода.

Как ты знаешь, невесте одной к жениху идти не подобает. Ее должна сопровождать подруга. И Ньякиемо договорилась с одной из своих сверстниц встретиться на полпути. И вот день уже клонился к вечеру, а дождь не переставал, и на Ньякиемо напало беспокойство. Вдруг подруга ушла, не дождавись ее? И Ндонгани будет лежать в эту ночь без сна, терзаясь думами о том, почему его подруга не сдержала слова. Кикуйю презирают тех, кто обещает что-нибудь и не выполняет обещания. Бедная, бедная Ньякиемо!

На деревню опустились сумерки, а дождь только усиливался; внизу, в долине, ревела разбушевавшаяся река, а ведь тогда еще не было моста, и перебраться через Тану даже в сухое время было не так-то просто.

Наступила ночь.

— Ничего, я захвачу с собой фонарь, — уговаривала себя Ньякиемо. Но она знала, что делать этого нельзя. Ни одна девушка кикуйю не пойдет к своему другу с огнем, потому что она должна делать вид, будто тайком пробирается к нему.

Наконец Ньякиемо решилась: встала, взяла свои дары и отправилась в путь.